

Эдгард, Аскольд и конь Барабас

Братья Запашные, четвертое поколение

Конь Барабас был явно не в настроении. Низко и, как мне показалось, виновато опустив голову, он то замедлял шаг, то резко дергался, то вилял из стороны в сторону. От этих неожиданных движений дрессировщик-жонглер Эдгард Запашный, стоящий на лошади, ронял многочисленные булавы, они падали под копыта Барабасу и с хрустом разламывались. Шла обычная репетиция на манеже номера "Жонглеры на лошадях" братьев Эдгарда и Аскольда Запашных. Привыкнув видеть во время представлений их лучезарные обаятельные улыбки, я удивилась их сосредоточенным и уставшим лицам.

"Это просто после выходного Барабас так трудно входит в работу", — сказал потом Эдгард.

Эдгард и Аскольд, сыновья известного дрессировщика Вальтера Запашного (Эдгарду — 22 года, Аскольду — 21), — уникальные артисты даже для цирковой среды, где уникальность возведена в составляющую профессии. Не потому, что они выросли в цирке и первые свои шаги сделали именно на манеже — так растут боль-

шинство цирковых детей. И даже не потому, что они — артисты уже в четвертом поколении — цирковые семейные традиции настолько незбылемы, что это тоже не редкость. Их уникальность — в особой атмосфере праздника, феерии, которую мгновенно создают они, едва выйдя на манеж. Они — настоящие универсалы и в совершенстве владеют многими цирковыми жанрами, удачно комбинируя их в своих номерах. Они заводят зал с пол-оборота и держат его не только до конца номера, но и много дольше. Сейчас они работают три сложнейших номера в Большом Московском цирке на Вернадского (лошади, обезьяны, тигры) с такой предельной самоотдачей, что этот заряд невольно передается зрителям. Их энергии, пожалуй, хватило бы на целую цирковую программу.

— Какой из номеров вы любите больше всего? — спрашиваю я Эдгарда и Аскольда после репетиции.

— Лошади. Там мы показываем то, что умеем сами. А в других номерах — то, чему научили животных.

А с какими из животных возникло больше всего проблем?

— С обезьянами, — продолжает рассказ Эдгард. — Не верьте, когда говорят, что обезьяны ближе всего к человеку. Они — коварные хищники. Если посмотреть на клыки наших обезьян-лапундр, то они больше человеческого мизинца, а задняя стенка острее, чем лезвие бритвы. Даже если осторожно провести по клыку — останется глубокий порез. Мы эти клыки не раз пробовали на себе — мне обезьяны порвали на ногу мышцу, а Аскольду прокусили палец.

— Обезьяны оказались с характером?

— Все животные с характером. Главное — понять их. Я, например, не разделяю мнение некоторых дрессировщиков, что с любой репетиции именно человек должен уходить победителем. Иногда животным нужно уступать. У них тоже бывает плохое настроение, они могут уставать и нервничать. Если видишь, что животное не в себе, — лучше отойти в сторону.

— А в клетку с тиграми вы впервые вошли в каком возрасте?

— Лет в шесть. Было безумно страшно. Уцепились за отцовские ноги и стояли не шелохнувшись. А в прошлом году приняли от отца его аттракцион — он получил серьезную травму и не смог больше работать на манеже.

— Вы говорите о травмах, как обычный человек говорит о насморке... Стоит ли так рисковать и ради чего?

— Что бы я ни сказал сейчас про манокто, завораживающий азарт манежа, журналисты все равно расценят это как высокопарность. Ну, любим мы это...

Фото автора

Наталья УВАРОВА